

ИСКУССТВОВЕД АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ СТЕПАНОВ от научного редактора-составителя

ART HISTORIAN ALEXANDER VIKTOROVICH STEPANOV from Scientific Editor

Выпуск журнала «Новое искусствознание» 04/2022 посвящен яркой фигуре современного отечественного искусствознания, известному петербургскому искусствоведу Александру Викторовичу Степанову — кандидату искусствоведения, профессору Санкт-Петербургской академии художеств имени Ильи Репина, одному из ведущих отечественных специалистов по искусству Возрождения, архитектуре Санкт-Петербурга, талантливому педагогу и научному руководителю. В номер вошли статьи его коллег, учеников и рецензентов, посвященные проблемам исследования истории и теории искусства Средневековья, Нового и Новейшего времени.

Александр Викторович Степанов родился в Иваново накануне Великой Отечественной войны, два года учился на архитектурном факультете Ленинградского инженерно-строительного института, работал в ленинградских НИИ проектирования и градостроительства и НИПИ Генплана. Он среди первых развивал проблематику определения значимости архитектурно-художественных компонентов исторической городской среды. Сорок лет назад А. В. Степанов окончил Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, где учился у таких выдающихся искусствоведов, как Ц. Г. Нессельштраус и Н. Н. Никулин. Десятилетием позже он защитил кандидатскую диссертацию по светской тематике немецкой резцовой гравюры XV в. Работал в Российском институте истории искусства (РИИИ). А. В. Степанов — автор множества искусствоведческих трудов, в том числе монографии «Мастер Альбрехт» (1991), «Lucas Cranach the Elder: 1472–1553» (1997), «Питер Пауль Рубенс. “Вах”» (2007), трех книг в известной серии «Новая история искусства» издательства «Азбука-классика», посвященных искусству эпохи Возрождения в Италии (2005, 2007), Нидерландах, Германии, Франции, Испании, Англии (2009). В последние годы из-под его пера вышли знаковые работы по архитектуре — «Феноменология архитектуры Петербурга» (2016), которая была номинирована на Российскую национальную премию «Национальный бестселлер» в 2017 г., и «Очерки поэтики и риторики архитектуры» (2021).

А. В. Степанов около трех десятилетий преподает в Санкт-Петербургской академии художеств имени Ильи Репина на кафедре зарубежного искусства, а также в Смольном институте свободных искусств и наук. Чтобы понять широту и глубину проблематики работ его учеников, приведем темы диссертаций по искусствоведению, успешно защищенных под научным руководством А. В. Степанова в разные годы: «Гатчина в 1783–1855 годах: город-резиденция в контексте русской градостроительной культуры» (О. В. Петрова, 2006); «Персонажи комедии дель арте в западноевропейской живописи и графике первой половины XX века: иконография и интерпретация» (М. А. Чекмарева, 2008); «Цикл фресок фра Беато Анджелико во флорентийском монастыре Сан Марко. Доминиканская художественная традиция» (И. В. Хмелевских, 2009); «Иниго Джоне — художник ренессансного типа. Творческая личность в контексте английской художественной культуры конца XVI — первой половины XVII века» (И. П. Брекоткина, 2012); «Проблематика английского миниатюрного портрета в эпоху елизаветинского ренессанса» (А. А. Троицкая, 2013); «Абстрактное и конкретное в творчестве Бена Николсона и художников школы Сент-Айвз» (Д. Н. Алешина, 2019); «Иконография “Зеркала человеческого спасения” в немецком и нидерландском искусстве XV века» (М. А. Рогов, 2022); «Становление и развитие жанра голландского цветочного натюрморта 1600–1670 годов как отражение классического естествознания» (О. Ю. Кулакова, 2022). Аспирантом А. В. Степанова, развивающим проблематику эстетических аспектов архитектуры является преподаватель Санкт-Петербургской академии художеств В. В. Фролов.

Этот выпуск-сборник не носит юбилейного характера, хотя и является своего рода оммажем Учителю, продолжающему нас радовать своим творчеством и общением. Цель сборника — познакомить читателя с текущей проблематикой научных интересов занятых в производстве квалифицированного научного знания воспитанников Александра Викторовича разных лет и его коллег и рецензентов, дать соприкоснуться с его творческим методом, выразить их отношение к нему. Особо следует отметить неоценимое плодотворное участие в этом проекте Ольги Кулаковой, поддержавшей эту идею, а также выразить благодарность издателям (К. О. Сасонко) и редакции (И. А. Шик) журнала, согласившегося посвятить сборнику выпуск. Мы пригласили к участию в сборнике в качестве рецензента последних двух книг А. В. Степанова об архитектуре М. Р. Невлютова (диссертация кандидата архитектуры «Феноменологические концепции в теории архитектуры», 2021), друга и коллегу А. В. Степанова — доктора искусствоведения, профессора А. Н. Донина, а рецензентом только что вышедшей в свет книги с участием известной исследовательницы И. В. Хмелевских выступила уже знакомый читателям автор журнала О. В. Субботина. Работы из Санкт-Петербурга и Москвы, Нижнего Новгорода и Ижевска, Тарту, Парижа и Марли-ле-Руа посвящены разнообразным аспектам истории искусства, охватывающего период от готической живописи XIV в. до арт-объектов эпохи пост-постмодернизма начала XXI в. Мнение авторов не всегда совпадает с мнением составителя, который, тем не менее, искренне благодарен каждому тщательно отобранному приглашенному автору, включая и тех, кто реалистично оценил свои возможности и не представил свою статью, позаботившись о максимально высоком качестве сборника.

В заключение приведем отзывы учеников и коллег — авторов выпуска — о своем опыте общения с Александром Викторовичем Степановым, проливающие свет на его творческий подход.

А. В. Степанов на защите О. Ю. Кулаковой (2022 год)

Александр Викторович — учитель свободы и творчества. Мне повезло быть ученицей А. В. Степанова долгие годы (около 10 лет) — от курсовой работы на 3 курсе до защиты кандидатской диссертации. Главное, что меня поразило в его работе — он давал полную свободу в выборе темы, даже если она не была в фокусе его профессиональных интересов. Я предлагала, мы обсуждали тему и, как правило, оставляли. Никаких списков литературы или авторов, которых нужно прочитать, мой Учитель мне не предлагал. Необходимо было самостоятельно изучить, осмыслить и использовать в работе. Его замечания были необычайно тактичны, строги и неопределенны и помещались на полях в виде вопросительных знаков или комментариев «неовко». И тут начиналась активная самостоятельная работа по поиску причины замечаний и способов ее устранения. Это был всегда свободный полет. Его слова были столь точны и немногочисленны, что я ло-

вила их с замиранием сердца. Он приучил к ответственности за свой труд. Это всегда были мои ошибки и удачи. Казалось, что его работа почти не заметна, но Учитель меня вывел на путь азартного исследователя, который ищет и находит смыслы в бесконечном пространстве информации и образов.

**Марина Александровна Чекмарева,
Санкт-Петербург**

Александр Викторович Степанов — один из самых любимых преподавателей и руководителей дипломных и диссертационных работ у многих студентов и аспирантов. Сразу обращают на себя внимание его эрудированность, искренний интерес к самым разнообразным темам исследований, доверие и уважение к тем, чьими работами он руководит. Редкое качество, которым обладает Александр

Викторович, — умение слушать других, давать им возможность следовать своим путем, пробовать близкие каждому конкретному человеку методы и способы изучения и подачи материала. Советы и рекомендации Александра Викторовича всегда способствуют расширению кругозора его студентов и аспирантов и позволяют рассмотреть вопрос с новой, иногда неожиданной, точки зрения.

**Ольга Валентиновна Петрова,
Санкт-Петербург**

Степановские лекции производили на меня совершенно магический, ни на что не похожий эффект, на сокурсников моих, впрочем, тоже, хотя никто из них в отличие от меня не собирался заниматься Ренессансом. Мы были первым курсом, на котором сменился прежний преподаватель, и наш завкафедрой Н. Н. Никулин привел к нам А. В. Как только новый профессор открыл рот и заговорил, весь курс впал в гипнотическое состояние, которое затем повторялось на каждой лекции в продолжение всего года. Но тот гипноз был на редкость приподнятый, праздничный и радостный, после лекции радость уходила куда-то в закоулки мозга, но полностью не исчезала. Как я потом поняла, у полученной тогда радости имелись вполне рациональные причины. Дело в том, что в Академии мне было очень трудно учиться, не потому что труден материал, а потому что морально тяжело. Вероятно, это было следствие моего предыдущего художественного образования и всевозможного рисовально-живописного опыта. У меня способности к вербализации возникали только на эмоциях, но они же и мешали, так что ни с какими визуальными впечатлениями слова мои никак не связывались, я все время чувствовала эту пропасть. И вдруг я услышала и увидела, как такая связь происходит. Однажды А. В. произнес фразу, которая стала для меня моим личным символом веры, поскольку охватывала не только постигаемую профессию, но и прежний рисовальный опыт. Не ручаюсь за точность цитаты и адекватность понимания, но в голове в тот момент отпечатались очень внятная мне формулировка: постарайтесь судить об искусстве в презумпции незнания. Она мне напомнила причудливое требование нашего преподавателя по рисунку постараться увидеть рисуемый предмет «глазами коровы», то есть очистить зрение от прежнего визуального опыта и уместных привычек, посмотреть как в первый раз глазами только что прозревшего младенца, увидеть его таким, какой он есть. Зрение в такой момент приобретает почти античное свойство тактильности и способность ощутить визуальную ценность окружающего мира обостряется многократно.

**Ирина Васильевна Хмелевских,
Марли-ле-Руа (Франция)**

Для меня Александр Викторович Степанов — это, прежде всего, свободный человек. Как мне кажется, свобода Степанова выражается в безусловном доверии себе — своим чувствам, мыслям, глазам. Поэтому Александр Викторович воспринимает любое произведение искусства непосредственно, будучи свободен от любых фильтров и матриц в виде общепринятого в науке мнения, популярных или модных концепций. Он смотрит на картину так, будто он первый человек, который решил высказаться об этом произведении. Лекции и книги Александра Викторовича учат не робеть перед шедеврами и в то же время не вставать в высокомерную позу перед работами малоизвестных мастеров.

Однажды мы с однокурсниками обсуждали «Герника» Пикассо и «Троицу» Андрея Рублёва и поспорили о том, какой из этих художественных образов имеет большую значимость. Кто-то сказал, что такие споры вообще бессмысленны, потому что нет универсальных критериев красоты. Я попросила Александра Викторовича рассудить нас. Он сказал, что для искусствоведа очень полезно подумать над вопросом — что лучше «Герника» Пикассо или «Троица» Рублёва, потому как искусствовед должен видеть и осознавать художественную ценность любого произведения.

**Ирина Павловна Брекоткина,
Ижевск**

Эти строки я пишу, горячо надеясь, что они будут прочитаны не только известными и неизвестными читателями, но и тем, кому они посвящены. Поэтому постараюсь уйти от жанра традиционного *hotpage* и быть, насколько это возможно, искренней.

Как и для многих авторов этого выпуска, Александр Викторович для меня — учитель. Как руководитель диссертационного проекта и как как пример исследователя искусства. Думаю, мои дорогие коллеги тоже заметили и оценили тот факт, что Александру Викторовичу не свойственна роль наставника во время подготовки диссертации, нет у него и консультаций в их традиционном понимании. Вместо этого аспирант или соискатель оказывается на территории общения о том, что близко и исключительно важно обоим собеседникам — об искусстве. Поддержка, которую я получила от моего терпеливого и чуткого руководителя, заключалась в его доверии, готовности внимательно читать, всерьез воспринимать мои наблюдения, заметки и, вероятно, не всегда новаторские идеи, и все это переводить в диалог, в котором мной приобреталось многое.

Но еще важнее, как мне кажется, для будущего диссертанта — это пример своего руководителя (а на самом деле, конечно, собеседника, только более опытного и профессионального). Когда понимаешь, насколько виртуозно можно выстроить путь к произведению, какие открытия и

неожиданные находки сопровождают на этом пути, то является дополнительный импульс к собственным поискам и собственным суждениям.

Один из текстов Александра Викторovichа, посвященный, как сказали бы ученые мужи, проблемам методологии, — «Почему я предпочитаю работать с репродукциями», этот текст я иногда пересматриваю, потому что в нем сконцентрирован прекрасный опыт исследовательской рефлексии. Когда я училась в РИИИ, на конференции, тематически собранной вокруг методологии в искусствоведении, Александр Викторovich делал такой довольно необычный (на фоне остальных) доклад. Из него было совершенно ясно, что невозможно взять метод, как измерительный прибор, как инструмент или химический реагент, и пойти его прикладывать к интересующему нас объекту, что искусство изучать таким образом не получится. И более того, из этого доклада также очевидно следовало, что метод может и должен быть собственным и довольно пластичным.

Поэтому для меня в виде своеобразных сигнальных точек образовались эти ориентиры: один — строгость по отношению к своему тексту, поиск форм и конструкций, стремящих его к ясности и соответствию тем произведениям искусства, о которых идет речь. Другим маяком стала свобода исследования, не стянутого методом, хотя и не отказывающегося от него, и движение, согласующееся с логикой произведения. Выходы за границы определенной методологии или даже одной какой-либо научной сферы — то, что обыкновенно называется интердисциплинарностью — определяются интуицией, интерпретационными возможностями и эстетическим критерием. И если позволительно в двух словах описать тот пример профессиональной работы, который можно почерпнуть у моего руководителя, то этими словами будут «ответственность» и «смелость» (а смелости аспирантам хватает не всегда).

Но Александр Викторovich лишь для небольшой группы искусствоведов — руководитель, а для многих других он — лектор, и здесь я тоже хотела бы вспомнить то первое впечатление, и это, конечно, было впечатление очарования, которое возникло на лекциях по искусству Ренессанса. Неспешный и очень тактичный проводник знакомит путешественников, будь то привередливые знатоки, специалисты или же простые туристы, отправившиеся открывать для себя эту эпоху, с ее грандиозными памятниками, деталями и обстоятельствами их создания. И, если какой-либо нюанс наш провожатый находит важным, то безо всякой настойчивости этот нюанс будет показан во всех измерениях максимально подробно, пока слушатели курса не начнут и сами замечать что-то необыкновенное в хорошо изученных историками искусства произведениях.

Примерно с тем же эффектом, но совершенно иначе по организации, устроена книга, которая беспощадно поступала с моим свободным временем, поскольку оторваться

от нее практически не было возможности. Те, кто держал в руках эти три «азбуковских» тома, объединенных названием «Искусство эпохи Возрождения», хорошо представляют, как они изданы: небольшие иллюстрации, дающие понять, о каком произведении идет речь, солидный справочный аппарат и сотни страниц увлекательного повествования, в котором читатель то скользит по прозрачной поверхности, за которой виднеется целая художественная эпоха, то приближается к отдельным произведениям, рассматривая вместе с автором их мельчайшие фрагменты, то погружается в биографические аспекты творчества мастеров прошлого.

В целом сравнить эти книги можно с детскими книжками-игрушками, в которых картонные страницы, открываясь, превращаются в объемные сцены со скрытыми в них карманчиками, подвижными деталями, створками окошек, — именно так построены тексты «Искусства эпохи Возрождения», все три книги, которые можно читать практически с любого наугад открытого места.

И совсем по-другому воспринимаются книги Александра Викторovichа по архитектуре. Ничего похожего на труды по архитектурной теории или истории архитектурных стилей они не представляют, но раскрывают то, что делает архитектуру искусством. Не зря в «Феноменологии архитектуры Петербурга» так много поэтических строк: они помогают перейти от фактического знания архитектурных памятников к переживанию и чувствованию архитектурных форм. Однако никаких отвлеченных и пространных суждений они за собой не влекнут: здесь все анализируемые явления имеют точный (петербургский) адрес и отчетливые очертания.

Вместо автобиографического обзора основных точек пересечения исследовательских интересов, которых в искусствоведческой практике, конечно, достаточно, мне хочется остановиться на том, что открыто большому числу читателей и слушателей Александра Викторovichа. Пусть диалоги, книги и лекции будут для них источником вдохновения, и пусть вдохновение не оставляет его самого. Остаюсь бесконечно рада нашему знакомству и совместной работе,

**Анна Алексеевна Троицкая,
Тарту (Эстония)**

Об Александре Викторovichе, как искусствоведе и педагоге, главное, что я могу сказать: он учил нас видеть невидимое.

**Олеся Александровна Кудрявцева-Вельманс,
Париж (Франция)**

Для меня высокая честь считать себя, хотя бы отчасти, учеником Александра Викторовича. Наше взаимодействие сложилось нетипично: москвич, имеющий ученую степень по экономике и ученое звание, я в качестве дипломированного историка искусства отчаянно пытался под каким-то «флагом» дописать вторую диссертацию, и мне повезло оказаться соискателем Александра Викторовича, которого я знал лишь по его замечательным трудам. Как я боялся, что мне помешают! Но обнаружил в лице профессора Санкт-Петербургской академии художеств воплощение того идеала академической свободы, который позволил ему, не вмешиваясь в мое научное творчество, искренне и тепло поддерживая мои стремления и поиски, подобно великому мастеру, удалить все лишнее из «глыбы» моей диссертации на финальном этапе работы. По-настоящему я пообщался с ним в ходе небольшой очной встречи...лишь на следующий день после защиты! Даже одно это впечатление от беседы не только с элегантным, глубоко чувствующим интеллектуалом и эрудитом, но с высочайшей нравственностью Человеком, чутко переживающим эпоху в предлагаемых обстоятельствах — на всю жизнь. Впрочем, предвкушаю множество таких встреч с Александром Викторовичем впереди.

Наше общение — очное и в эпистолярном жанре — приоткрыло мне замечательную механику его творческого процесса, что и подвигло меня составить этот сборник на любезно предоставленной площадке выпуска «Нового искусствознания». В терминах популярной в современной философии науки акторно-сетевой модели Бруно Латура «акторы» и «актанты» являются необходимым условием, своего рода катализаторами производства научного знания. Роль Степанова, свободно дистанцирующегося от догматизма искусствоведческих доктрин, полемизирующего с историцизмом, опираясь, порой, на феноменологические построения — это, по моему мнению, необходимое условие успешных работ его учеников, обеспечивающее широкий кругозор и глубину исследований. Подобно эпистемологическому анархизму Пола Фейерабенда, это проживание образа популяризатора искусства, рефлексия, ирония и чуткое отношение к пределу возможностей тех или иных научных методов, является, на мой взгляд, самой настоящей научной стратегией независимо от интенций актора и предлагаемых им трактовок. Как историку искусства, разделяющему современные методологические подходы (новой) социальной истории искусства и визуальных исследований с их интересом к истории повседневности и микроистории на основе плюрализма научных стратегий, мне отчасти близка эта феноменологическая платформа, и я рад, хотя и полемизируя с нашим учителем, также свободно, как и он, неустанно подчеркивать, что мы занимаемся не искусством, а наукой о нем, а наша общая забота, как мне кажется, как и во времена «Черной Смерти» — го-

товить почву для неведомого нового Ренессанса... Благодаря Александру Викторовичу!»

**Михаил Анатольевич Рогов,
Москва**

С Александром Викторовичем я познакомилась на третьем курсе обучения в Санкт-Петербургской академии художеств имени Ильи Репина, когда писала курсовую работу, посвященную изображению музыкальных инструментов в живописи голландских мастеров XVII в. В качестве иллюстраций я подготовила не только альбом репродукций, но и CD диск с музыкальными записями, которые будто оживляли картину, заставляя ее звучать. Лютни, теорбы, виолы, клавикорды и барочные гитары на картинах демонстрировали свои забытые, а, может, и совершенно незнакомые современному слушателю голоса. Опираясь на музыкальный сюжет, я строила интерпретацию конфликта, происходящего между героями, или внутреннего состояния музыканта, изображенного в одиночестве. Признаться, я волновалась, когда в качестве методологической основы для своей работы избрала психологические теории восприятия искусства и анализ тембров музыкальных инструментов, не зная, как воспримут в Академии мои эксперименты. Александр Викторович был моим рецензентом, и я помню, с каким восторгом и радостью он встретил мое исследование. Да, мне было приятно услышать похвалу, но главное, что меня поддержало — это искренний интерес, который я увидела в его глазах. Тот путь познания искусства, который я избрала, о котором рассказывала и от которого получала огромное удовольствие, Александр Викторович поддержал в далеком 2007 г. Это был важный, если не основной эмоциональный импульс, благодаря которому я продолжила свою исследовательскую деятельность, не боясь двигаться по пути своего интереса и интуиции. Вдохновение, на мой взгляд, — это драгоценный подарок, который может подарить научный руководитель своему студенту, от сердца — к сердцу.

**Ольга Юрьевна Кулакова,
Санкт-Петербург**

С А. В. Степановым мы познакомились где-то около 2006 г. Ему тогда на кафедре истории искусства зарубежных стран Института им. И. Е. Репина поручили подготовить отзыв на мою докторскую диссертацию. Мы оба были воспитанниками Цецилии Генриховны Нессельштраус и занимались искусством примерно одного периода. Диссертацию я защитил в МГУ им. М. В. Ломоносова в 2007 г. С тех пор наше общение с Александром Викторовичем имеет дискретно-постоянный характер. В основном, мы обща-

лись в Академии на конференциях памяти М. В. Доброклонского. Кроме того, он приглашал меня на семинары в Институт истории искусств. Несколько раз мы с ним ездили на могилу Цецилии Генриховны. Мне довелось выступать в качестве официального оппонента на защите нескольких

его аспирантов. Это И. В. Хмелевских, И. П. Брекоткина, А. А. Троицкая, О. Ю. Кулакова. Знаком я и с работами некоторых других его воспитанников. Мне кажется, что вполне можно говорить о существовании научной школы А. В. Степанова.

**Александр Николаевич Донин,
Нижний Новгород**

Приглашенный редактор выпуска журнала
«Новое искусствознание» 04/2022
кандидат искусствоведения, кандидат экономических наук,
доцент **Михаил Анатольевич Рогов**